

РУМЫНСКИЙ ТЕАТР КОМЕДИИ
ЗАКОНЧИЛ ГАСТРОЛИ
В ЛЕНИНГРАДЕ

ОРУЖИЕМ СМЕХА

«НИЧТО так не жжет негодяев, как смех». Эти слова великого румынского сатирика Караджале выбрал своим девизом молодой румынский Театр комедии, созданный по инициативе талантливого актера Раду Белигана группой энтузиастов в Бухаресте.

Решив с самого начала, что на его сцене не будет места «пустым бульварным комедиям, в которых восхваляется безвкусица, монотонность, плоскость и пошлость», молодой театр имел удовольствие слышать смех своего зрителя, играя такие пьесы, как «Мещанин во дворянстве» Мольера, «Дом, где разбиваются сердца» Шоу, «Тень» Е. Шварца и, наконец, «Швейк во второй мировой войне» Бертольда Брехта.

«Мы очень молоды и постоянно говорим об этом. Но не для того, чтобы добиться каких-то поблажек и скидок. Молодость для нас — это особая мера требовательности», — так писал недавно художественный руководитель театра Раду Белиган. Молодые режиссеры, молодые художники, сорокатрехлетний руководитель вместе с труппой — это кипящий смелыми замыслами, творческой дерзостью, одушевленный гражданской устремленностью, сплоченный и дружный коллектив.

С особым интересом и волнением шли мы на представление «Швейка во второй мировой войне». Замечательный немецкий поэт и драматург Б. Брехт не такой уже частый гость на советской сцене. Правда, за последние годы его пьесы все чаще

и чаще стали появляться на нашей театральной афише, и все же это лишь первые, хотя и очень желанные ласточки. Своеобразие брехтовского театра ставит перед режиссером множество самых различных, трудно разрешимых задач. Но прежде всего Брехт требует от театра человеческой и гражданской зрелости. «Помочь тому, чтобы опыт борьбы стал достоянием всех и оправданностью — страстью!» — так формулировал сам Брехт сверхзадачу своего творчества. Поэтому пьесы Брехта требуют от режиссера глубокого политического и философского осмысления жизни, боевого наступательного темперамента, остроты театральных решений, строгой направленности каждого сценического приема и той эстетической тонкости режиссерской и актерской работы, о которой всегда так заботился Брехт.

«Швейк во второй мировой войне» относится к группе брехтовских пьес, которые можно определить как гневные антифашистские памфлеты.

Издавна полюбившийся Брехту образ Швейка на этот раз перенесен в оккупированную гитлеровцами Прагу. Швейк действует в пьесе осторожно, умно и отважно. Этот новый Швейк полон негодования, скорби и гневного презрения к хозяйничающим на его любимой родине врагам человечества. Простодушие брехтовского Швейка — всего лишь маска, часто звучащая открытым издевательским вызовом. Его бесконечные смешные рассказы и воспоминания, по существу, открывают всепонимающий ум и непримиримость обаятельного, полного добра и человечности, не согнутого фашизмом, борющегося чешского народа. Швейк Брехта окружен друзьями, также не потерявшими человеческого достоинства, как и сам Швейк, ненавидящими захватчиков, готовыми любыми способами оказывать им всяческое сопротивление.

В спектакле наших гостей есть настоящий брехтовский Швейк — Флорин Скарлатеску, великолепный актер. И то, что искал и нашел вместе с ним режиссер Лучиан Джуркеску, все это на верной и плодотворной магистрали брехтовского театра. У этого Швейка умные, усталые и скорбные глаза. Он добр, он гневен, он умеет скрывать свои настоящие чувства, он знает, чего хочет, и верит, что он и подобные ему победят гитлеровское зло. Но такой умный и талантливый Швейк достоин более сильных противников, чем те, которыми он окружен в спектакле.

Актеры Лучиан и Рукэряну, играю-

щие Буллингера и Мюллера, и артист Пелля, играющий Бреттшнейдера, несомненно, талантливые и опытные мастера, но, к сожалению, их образы облегчены в постановке. Нигде смешное в их работе не соседствует со страшным.

Великолепно играет лауреат Государственной премии Дем. Саву нестойкого друга Швейка фотографа Балуба — колеблющуюся добрую душу, неисправимого обжору. Как и Флорин Скарлатеску, этот артист великолепно сочетает внутреннюю правду со смелой, озорной и эксцентрической неожиданной формой.

Слабее показал себя в этом спектакле женский состав театра.

Хочется сделать несколько дружеских замечаний и в адрес режиссера-постановщика. Смех брехтовского Швейка, скорбный и уничтожающий, мог звучать на сцене по-настоящему, если бы в спектакле рядом со смешным и забавным уживалось гневное и страстное. Однако режиссер Лучиан Джуркеску в своей во многом талантливой работе отдал предпочтение забавному и смешному. Его спектакль внешне как будто точно следует канонам брехтовской театральной эстетики: линия буффонады проведена настойчиво и последовательно, актеры часто обращаются в зрительный зал, многие театральные приемы «обнажены». В спектакле достаточно смешных и талантливых находок, но остроумие постановщика порой становится самоудовлетворением.

Режиссер подчас многословен, и хорошие находки тонут в потоке излишней инициативы. Брехтовский закон — «на сцене ничего лишнего» — нарушается. Это досадно, потому что режиссер Джуркеску, несомненно, очень одаренный человек. Такие куски его спектакля, как сцена в военной тюрьме, ярко свидетельствуют об этом. В них режиссер приближается к подлинному Брехту.

Театр комедии не побоялся серьезной ответственности, взявшись за постановку сложнейшей пьесы Брехта. Мы уверены, что дальнейшие опыты осуществления им брехтовских пьес будут значительно более полноценными и совершенными. Все предпосылки для такого утверждения налицо.

Счастливого пути вам, дорогие румынские мастера комедии, в нашем трудном и радостном плавании по безбрежному и бурному океану смешного.

Р. СУСЛОВИЧ,
режиссер Театра имени А. С. Пушкина, заслуженный артист РСФСР